

УДК 902/904
Ж 74

Печатается по решению Ученого совета
исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова
от 23.05.2018 г. (протокол №3)

Рецензенты:

Щапова Ю.Л. — доктор исторических наук, профессор
кафедры археологии Исторического факультета МГУ, профессор

Павлов П.Ю. — доктор исторических наук, главный научный сотрудник
отдела археологии Федерального государственного бюджетного учреждения
науки Института языка, литературы и истории Коми научного центра
Уральского отделения Российской академии наук

Ответственный редактор:
доктор исторических наук, профессор Н.Б. Леонова

Житенёв В.С.

Капова пещера — палеолитическое подземное святилище /

Отв. ред. Н.Б. Леонова. — М.: Индрик, 2018. — 296 с. —

(Труды исторического факультета МГУ, вып. 127.

Сер. II. Исторические исследования, 73).

ISBN 978-5-91674-511-5

В монографии обобщаются результаты археологического изучения Каповой пещеры в 1960–2017 гг. Особое внимание уделено итогам работ Южно-Уральской археологической экспедиции МГУ, проводившихся в 2008–2017 гг. под руководством автора. Капова пещера (Шульган-Таш) получила всемирную известность благодаря изобразительному ансамблю верхнепалеолитического возраста: фигурам мамонтов, лошадей, носорога, бизона, рыбы, верблюда, зооантропоморфа и геометрическим знакам. В монографии особое внимание уделено следам художественных, ритуальных и хозяйственно-бытовых практик, составляющих важную неотъемлемую часть археологического комплекса памятника. Представлены данные для обсуждения проблемы взаимосвязи подземного святилища Каповой пещеры и пещер с настенными изображениями Франко-Кантабрийской области развития палеолитического искусства. Исследование выполнено с привлечением широкого круга источников: архивных материалов, публикаций, результатов изучения археологических коллекций.

Монография адресована археологам, этнографам, искусствоведам, студентам гуманитарных факультетов ВУЗов, а также всем, кто интересуется далеким прошлым человечества.

© Исторический факультет МГУ, 2018

© В.С. Житенёв, текст, 2018

© Издательство «Индрик», 2018

ISBN 978-5-91674-511-5

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	9
----------------	---

Глава I

Археологические следы деятельности человека в верхнепалеолитическую эпоху в Каповой пещере	17
---	----

История исследований	17
Археологические следы деятельности человека в верхнепалеолитическую эпоху в Каповой пещере	24
Каскадная галерея	25
Купольный зал	31
Зал Знаков	68
Зал Хаоса	97
Зал Рисунков	109
Образы животных и охотничья фауна	128
Выводы	132

Глава II

Изобразительный ансамбль Каповой пещеры	137
---	-----

Верхний этаж пещеры. Зал рисунков	141
Средний этаж пещеры. Купольный зал	168
Зал Знаков	175
Зал Хаоса	181
Капова пещера в региональном контексте художественных практик	192

—	Глава III	
8	Свидетельства деятельности человека в пещерах с настенными изображениями верхнего палеолита Франко-Кантабрии	199
	Обзор пещерных памятников с настенными изображениями верхнего палеолита Франко-Кантабрии	199
	Искусственные конструкции из камня в европейских пещерных памятниках с настенными изображениями верхнего палеолита	254
	Использование кальцита на европейских палеолитических пещерных памятниках с настенными изображениями	257
	Костяные индустрии пещерных верхнепалеолитических памятников с настенными изображениями Франко-Кантабрии . .	263
	Заключение	267
	Библиография	276
	Список сокращений	294

ВВЕДЕНИЕ

Капова пещера находится в Бурзянском районе Республики Башкортостан, на правом берегу р. Белая, на территории государственного природного заповедника «Шульган-Таш». Пещера представляет собой систему залов, галерей и коридоров, расположенных минимум на трех гипсометрических уровнях, нижний из которых занят рекой Подземный Шульган.

В 1959 г. А.В. Рюмин выявил в Каповой пещере настенные изображения палеолитического возраста. Первые археологические исследования в 1960–1978 гг. в пещере проводил О.Н. Бадер. В результате работ были обнаружены и расчищены от современных граффити и кальцитовых налетов настенные изображения в залах среднего и верхнего ярусов [Бадер, 1965]. В шурфах и раскопах оказались зафиксированы единичные свидетельства деятельности человека в эпоху верхнего палеолита.

В 1982–1991 гг. комплексное изучение Каповой пещеры возглавлял В.Е. Щелинский [Щелинский, 1996]. Одним из важнейших результатов работ экспедиции стало открытие верхнепалеолитического культурного слоя.

С начала 2000-х гг. на памятнике в разные годы работали экспедиции под руководством Т.И. Щербаковой и В.Г. Котова [Котов, 2014; Щербакова, Щелинский, 2005]. С 2008 г. и по настоящее время исследования проводит Южно-Уральская археологическая экспедиция МГУ [Житенёв, 2012; 2014а]. Время посещения Каповой пещеры в верхнепалеолитическое время определяется в интервале некалиброванных дат от 16010 ± 100 (KN-5023) до 13930 ± 300 л.н. (ГИН-4853) [Житенёв и др., 2015]. Калиброванные результаты радиоуглеродного датирования показывают более древний возраст от 19500 до 16000 л.н. [Дублянский, Житенёв, *в печати*].

Известные на сегодняшний день археологические материалы позволяют рассматривать разные сферы деятельности человека в пространстве Каповой пещеры, а также на строго научной основе попытаться соотнести имеющиеся данные с разными формами символических и хозяйственно-бытовых практик.

Среди исследователей пещер с верхнепалеолитическими настенными изображениями уже давно достигнуто взаимное согласие — рассматривать эти памятники как святилища [Breuil, 1954; Bégouën et al., 2009; Leroi-Gourhan A. 1965]. За редким исключением (Бедейяк, Тито Бустийо,

Ла Гарма), остатков долговременных сезонных базовых стоянок в пещерах-святых местах не обнаружено. Напротив, во многих подземных полостях с образцами монументального искусства выявлены свидетельства кратковременных, по всей видимости специализированных, посещений. Одним из наиболее важных вопросов при изучении подобных археологических комплексов является разделение следов деятельности человека на ритуальные (в широком смысле — символические) практики и на хозяйственно-бытовые, связанные в ряде случаев с обеспечением ритуальных практик.

Когда говорят о ритуалах, обычно подразумевают регулярность их совершения. К сожалению, в археологической практике довольно редко представляется возможность обоснованно доказать факт систематической повторяемости тех или иных действий в прошлом. Как, впрочем, и обосновать преднамеренность ритуального (символического) акта, достоверно отделяемого от будничного хозяйственно-бытового эпизода (например, освежение факела о стену, случайные капли краски с кисти или емкости и т.п.).

Многие следы деятельности, характерные для франко-кантабрийских памятников с настенными изображениями, выявлены и в южно-уральских пещерах, в которых зафиксированы образцы монументального искусства верхнего палеолита.

Пещеры с настенной живописью во Франко-Кантабрийском центре развития палеолитического искусства представляют собой сезонные места сбора большого коллектива охотников-собирателей (ведущих в другие времена года раздельное существование) для организации совместной повседневной, в т.ч. охотничьей, деятельности, а также для проведения традиционно приуроченных к этому времени комплексов социальных и ритуально-культовых практик [напр., Conkey, 1980]. При этом место обитания такого коллектива — что около пещеры, что в самой пещере — с точки зрения общего набора составляющих коллекций из культурного слоя, практически не отличается от обычного набора материалов рядовой стоянки. За исключением значительного увеличения разнообразия используемого сырья (в т.ч. доставленного из достаточно отдаленных мест), а также существенного расширения числа культурных маркеров, например, разных типов орнаментов на предметах, принесенных представителями разных групп собравшегося коллектива.

Долгое время в исследованиях пещер с верхнепалеолитическими настенными изображениями основное внимание было сосредоточено именно на образцах монументального искусства и искусства малых форм, тогда как иные материальные свидетельства пребывания человека в подземных полостях упоминались небрежно и спорадически. Характерно высказывание М.С. де Саутуолы, который назвал подъемный материал из привходовой части Альтамиры «хламом в вестибюле»: каменные и костяные изделия, красочные пигменты, палеозоологические материалы и пр. [Lasheras, 2009, p. 10]. Специалисты оценивали значение самих произведений искусства значительно выше, чем объекты и следы повседневной

жизни (Bégouëin, 1926). С развитием теоретической и практической основ археологии как науки ситуация радикально не изменялась. По-прежнему дискуссии о причинах появления и развития, о смысле и содержании пещерного искусства строились, за редким исключением, на изобразительной источниковой базе. Привлечение кратких результатов изучения вещественного археологического материала и естественнонаучных данных использовалось, как правило, для рассуждений об особенностях, в т.ч. хронологических, настенных изобразительных комплексов, но не для комплексного конкретно-исторического анализа всей совокупности следов деятельности человека в пространстве этих пещер.

На сегодняшний день, благодаря тщательным полевым и лабораторным комплексным исследованиям, а также широким теоретическим разработкам, охватывающим самые разнообразные аспекты палеолитоведения, можно говорить о сложившихся контурах теоретических основ изучения разнообразия форм деятельности человека — хозяйственно-бытовых и символических практик — в пещерах с верхнепалеолитическими изображениями. Базовые принципы, на которых утверждается современное понимание направлений этих практических и теоретических изысканий, предложены и опробованы целой плеядой выдающихся ученых. Основные положения, представленные ниже, разработаны отечественными и зарубежными авторами [Леонова и др., 2006; Balbín Behrmann et al., 1999; Clottes et al., 2005; Lorblanchet, 1994; Pastoors, Weniger, 2011; Pigeaud, 2005, 2007; Rouzaud, 1978; 1997; и др.]. Эти положения апробированы, при необходимости, дополнены или скорректированы на основе результатов исследований Каповой и Игнатьевской пещер Южно-Уральской археологической экспедицией МГУ под руководством автора настоящего исследования.

Каждый верхнепалеолитический пещерный памятник с настенными изображениями представляет собой подземную полость определенной морфологии, в которой, в зависимости от конкретных условий, сохранились следы деятельности животных и человека. Комплексное изучение всей совокупности взаимосвязей антропогенной деятельности и природного пространства пещер рядом авторов предложено обозначить интегративным структурным анализом [Pastoors, Weniger, 2011]. Основной целью формирования такого подхода к исследованиям является насущная необходимость создания набора аналитических инструментов для проведения верифицируемых сравнений памятников, а также отдельных явлений и следов повторяющихся моделей поведения — разнообразных практик, осуществлявшихся внутри пещер.

Значительное число пещер — это подземные системы из залов, коридоров, переходов, колодцев, ниш, тупиков и т.д. Время формирования карстовых полостей, особенно крупных, исчисляется миллионами лет. Следовательно, археологические материалы вписаны в это природное пространство и неотделимы от него. Использование человеком пещер было подчинено, в первую очередь, самой морфологии полости. А. Леруа-Гуран в качестве одной из основ анализа настенных изображений пред-

ложил следующее деление естественных форм подземных пространств: привходовая зона, переходные участки, центральные и боковые зоны, проходы (галереи, коридоры...), оконечная (тупиковая) зона [Leroi-Gourhan, 1965]. Немаловажная роль отводилась и особенностям морфологии каждой из этих категорий.

Ф. Рузо, развивая тему влияния особенностей и условий пещерного пространства на поведение человека, основной акцент сделал на вопросах освещенности и ориентации в пространстве. В его подходе одним из основных положений является анализ размерности залов, галерей и т.д., их доступность, легкопроходимость и возможность освещения разными искусственными источниками света [Rouzaud, 1978; 1997]. Несмотря на то, что человек в верхнем палеолите проникал в некоторые полости на глубину более километра, настоящие границы возможностей определялись пределами освещенности от стационарных (очаги) или переносных (факелы, лампы) источников. При использовании последних, круг света которых не превышает нескольких метров, перемещения по крупным залам и коридорам осуществлялись, как правило, вблизи стен. При этом в большинстве случаев для прохода человек использовал наиболее удобные (не заваленные глыбами, например) и безопасные пути, которые и сегодня выглядят именно такими. Наглядными подтверждениями этому на ряде памятников служит выбор стен для нанесения изображений и открытые рядом материальные свидетельства как кратковременных остановок, так и участков специализированных посещений — относительно непродолжительного обитания — жилых площадок (о тесной взаимосвязи настенных изображений с путями и способами передвижения в пещерах: Delteil et al., 1972). Изучение особенностей морфологии отдельных структурных единиц (залов, коридоров...), включая такие показатели, как объем, возможности освещения, физического подхода к настенным рисункам и их обзора, позволяют расширять набор аналитических инструментов для углубленного изучения художественной деятельности палеолитического человека и её взаимосвязи между геоморфологической спецификой полости и разными категориями изображений или их совокупностей (например, предназначенных¹ для индивидуального или коллективного действия) [Bahn, 2003; Lorblanchet, 2001; Sieveking, 1997].

В 2002 г. на семинаре [Pastoors, Weniger, 2003], посвященном этой теме, среди участников — представителей различных дисциплин, было достигнуто взаимопонимание в том, что «пространство, используемое человеком, служит двум основным целям: проходу и остановке. Эта двойственность ... относится также и к пещерам. При анализе пещеры, три различных аспекта имеют особое значение: естественная структура пещеры, способность человеческого глаза реагировать на темноту и искусственный свет, классификация доисторических культурных остатков» [Pastoors, Weniger, 2011, p. 381].

¹ В качестве условного теоретико-сравнительного инструмента предлагается рассчитывать, зная площадь обсуждаемого пространства, максимальное число людей, которые могли бы его занять, исходя из расчета 2 м² на одного человека (Pastoors, Weniger, 2011, p. 387).

Основные следы человеческой деятельности в пещерах с настенными изображениями можно разделить на несколько крупных категорий [по: Pigeaud, 2005, 2007; Rouzaud, 1978; 1997; с дополнениями автора]:

— следы передвижения в пещере (отпечатки ступней или ладоней при динамическом перемещении; следы скольжения, падений, повреждения натёчных образований);

— следы остановок (короткие остановки; остановки на «перерыв», для восстановления дыхания или ожидания перед препятствиями; остановки, связанные с проблемами ориентации (выбора направления) или освещения; остановки для устранения натечных образований, мешающих проходу);

— следы объектов и структур (очаги; кострища; зольные пятна; следы и отпечатки объектов из недолговечных материалов; каменные выкладки, вымостки и остатки других искусственных конструкций (в т.ч. ямок и ям, жилых структур); модифицированные естественные депрессии пола, гнезда медведей...; следы антропогенной деятельности (напр., скальвания) на стенах и потолке; намеренно поврежденные натечные образования; следы изъятия пещерной глины; следы повреждений, сортировки, упорядочивания расположения и т.п. естественных скоплений фаунистических остатков; обособленные участки по обработке («точки») и изготовлению предметов; кухонные остатки; запасы каменных и костяных изделий; запасы сырья, в т.ч. минеральных красочных пигментов; изолированные предметы; образцы искусства малых форм; образцы монументального искусства, включая настенные изображения, геоглифы и пр.; следы художественной деятельности, в т.ч. участки скопления красочного пигмента и угля рядом с настенными изображениями; остатки тушек — скелеты (и их крупные части в анатомической связи) намеренно принесенных и оставленных животных (змей, рыб и т.д.); закладки — помещенные в трещины стен (между глыбами камней), на скальные выступы стен, на крупные известняковые глыбы каменные и костяные предметы, красочные пигменты, а также необработанные объекты — кости и их фрагменты, обломки натечных образований, гальки и т.п.; палеоантропологические материалы).

Каждая из этих категорий «может быть рассмотрена по пяти различным критериям» [Pigeaud, 2005, p. 165]: распространенные следы (очаги, повреждения натечных образований и др.); уникальные, исключительно редко встречающиеся явления (напр., отпечаток веревки в Ляско); редкие, но неоднократно зафиксированные явления на памятнике и/или группе памятников (напр., закладки фрагментов костей и других объектов в трещинах стен); следы стирания (стертые или соскобленные, блеклые, едва заметные изображения, напр., в Шовэ и Коскэ); «белые иконографические зоны» — разрыв порядка последовательности системы изобразительных блоков (отсутствие изображений там, где они, по нашему сегодняшнему мнению могли или должны были бы быть), отделяющие топографически, стилистически и содержательно различные участки пещеры.

Представляется необходимым введение инверсного к «белым иконографическим зонам» термина — «красные иконографические зоны». Под этим понятием подразумевается такое явление как изображения со следами подновления, что может быть как хроно-культурным маркером (аналогии известны на памятниках Франции и Испании: [Clottes, 1997]), так и свидетельством сложных традиций цветовыражения (цветового символизма) и приготовления разных рецептурных составов красок в рамках символических практик одной культурной общности. В качестве дополнительного варианта последнего можно предположить, что изменение рецептуры связано с некими резкими конкретно-историческими изменениями в жизни одной группы людей, но никак не отсутствием необходимых компонентов красочного состава.

Таким образом, «красные иконографические зоны» — это зоны повышенных изобразительных смысловых нагрузок, транслируемых через собственное содержание образа/знака, геоморфологические² и композиционно-семантические особенности топографического размещения, а также цвет и/или рецептуру краски.

Отдельной категорией разнообразных практик в пещерах являются следы художественной деятельности палеолитических художников, расположенные в непосредственной близости от рисунков [Житенёв, 2012].

Наиболее полное представление о многообразии форм хозяйственно-бытовых практик дает исследование жилых площадок (площадок обитания) — участков распространения разнообразных культурных слоев и горизонтов посещений, сформировавшихся в результате относительно кратковременных специализированных посещений пещер с настенными изображениями. При анализе этих пунктов обитания совершенно естественно использовать подходы, разработанные и применяемые для изучения пещерных стоянок и памятников открытого типа [напр., Леонова, 2003]. В основе таких подходов — комплексное изучение количественного и качественного распределения каменного и костяного инвентаря, фаунистических остатков, а также выявление взаимосвязей, в т.ч. между объектами и структурами культурного слоя, выделение различных зон (центральная, периферийная и др.) и хозяйственно-бытовых участков на площади памятника. Для исследований в пещерах с настенными изображениями особенно важными являются вопросы системы накопления культурных остатков — длительных (континуальных) и четко ограниченных по времени (дискретных) способов [по: Леонова, 1994]. Важным критерием для сравнения разных участков распространения культурного слоя на отдельном памятнике представляется композиция состава каменной индустрии (процентное соотношение отходов производства, заготовок, орудий и нуклеусов) и наличие/отсутствие материалов, характеризующих полноту производственной

² Следует отметить общую особенность размещения подновленных изображений в Каповой пещере — в крупных залах, в местах с хорошим обзором и на видном месте. Более того, рядом с переходами в другие залы или риделы залов. Подробнее по теоретическим обоснованиям см.: [Pastoors, Weniger, 2011].

цепочки. Результаты палеофаунистических анализов также играют важную роль в определении как функциональных особенностей площадок обитания и возможной локальной продолжительности посещений, так и в определении их сезонности.

Одним из наиболее дискуссионных понятий остается термин «структура памятника», который также сочетает в себе хроно-культурные проблемы взаимосвязи отдельных пунктов распространения культурных остатков и всего археологического ансамбля пространства пещеры с настенными изображениями.

Важнейшую информацию о разнообразии хозяйственно-бытовых практик предоставляют результаты трасологического изучения каменных орудий [Plisson, 2005; Scelinsky, Sirokov, 1999]. На сегодняшний день общепризнанным стал факт проведения значительного числа трудовых операций в пещерах с настенными изображениями [напр., Plisson, 2007].

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о фиксации следов разнообразных практик, осуществлявшихся группами людей с определенной регулярностью. Значительную часть свидетельств деятельности человека невозможно четко разделить на хозяйственно-бытовые и символические. Их переплетение и в сознание первобытного человека, и в археологических материалах демонстрирует сложносоставную среду использования пространства пещер с настенными изображениями.